

Глава 1

ЯЩИК ДЛЯ ТЕЛЕПОРТАЦИИ АРТЕФАКТОВ

Июнь подходил к концу. Это было не слишком изобретательно, но ничего более оригинального, кроме как подходить к концу, июнь всё равно придумать не мог. Его фантазия ограничивалась исключительно его возможностями. Правда, существовало одно «но». Последнее числа истекающего месяца обещали запомниться надолго. Начиная с двадцать второго в расписании стояло сразу шесть экзаменов: *ветеринарная магия, основы белой (у части курса — чёрной) магии, теоретическая магия, практика сглаза, нежитиеведение и история магии.*

Экзамены были введены по личному распоряжению Сарданапала. Академик посчитал, что выпускник Тибидохса не может ограничиться одним тестом Теофедулия.

Преподаватели не собирались никому делать послаблений. Будто и не они недавно вернулись из небытия после истории с колодцем Посейдона. Каждый выражал своё отношение в собственной манере. Великая Зуби посмеивалась и куталась в плед. Она имела свойство мёрзнуть даже летом. Тарарах пожимал плечами и бурчал, что как ни крути, а магических зверей лечить надо. «Ежели не то ему, миляге, дашь, так он и не туда копыта откинет», — заканчивал он сурово, что доказывало его решимость серьёзно подойти к экзамену.

Медузия же вообще воздерживалась от каких-либо прогнозов, лишь уронила вскользь, что её экзамен сдадут все. «Все, кто выживет», — уточнила она после всеобщего облегчённого вздоха. Затем она вручила Готфриду Бульонскому таинственный чёрный чемодан, окованный снаружи стальными полосами с рунами, и отправила его в таинственную командировку. Готфрид вернулся через два дня поздно вечером. Его случайно видел Кузя Тузиков, потом утверждавший, что Бульонский был белый как бумага, шатался и прижимал к груди чемодан. Стальные полосы чемодана, по словам Тузикова, были вогнуты внутрь, и вообще чемодан выглядел так, будто на нём посидели Дубыня, Усыня и Горыня. Вначале по очереди, а затем и все вместе.

Впечатлённый Тузиков примчался в гостиную, давно уже ставшую общей, ибо невозможно всерьёз сидеть по разным углам на том только основании, что у кого-то искры красные, а у кого-то зелёные, и мигом выложил всё, что видел.

— Если в чемодане то, что я думаю, то я не думаю, что Медузия хорошо подумала, когда думала, как её разнообразить наш последний экзамен. Вот как думается мне! — авторитетно заметил Шурасик.

— Почему последний? Последний же история магии? — удивился Жора Жикин.

— Говоря «последний», я имел в виду последний в твоей жизни. Я-то уж как-нибудь сдам, — уточнил Шурасик и утешающе похлопал тибидохского красавчика по посеревшей щёчке.

— Мёртвые, живые — какая разница! От моего экзамена ничто не освобождает! Я вас и на том свете достану, хе-хе! — дружелюбно позванивая кандалами, предупредил Безглазый Ужас. Он выглянул из стены, подобрал скатившуюся с плеч голову, закапал ковёр кровью и удалился, как весны моей золотые дни.

— Свинтусы неблагодарные эти преподы! Нет чтоб экзамены вообще отменить! И зачем я их спасала, этих гадов? Зачем старалась, зачем мы с Ванечкой нервы себе портили? А?! Ну что молчите, трусили? Сказать нечего? — с надрывом произнесла Лиза Зализина.

В воздухе неуловимо распространились флюиды тётушки истерики. Огонь в печи позеленел от досады, зачадил и погас.

— Лизон! Недооценённая ты наша! Держи себя в руках! Отойди в уголок и мучайся в тряпочку! — отрезала Склепова.

На другой день за обедом в Зале Двух Стихий развоевался Поклёп:

— И правильно! Выпускник Тибидохса — это не висельник какой-нибудь! Это звучит гордо! Тибидохс всегда Тибидохсом был и всегда им останется. Сейчас школ магии развелось столько, что хмырями не закидаешь! На Лысой Горе как дождик пройдёт — один-два новых магверситета вырастает. Была столовка для мертвяков — хлоп! — высшая школа магнеджмента! Был сарай, где три ведуна от мухоморов глюки ловили, — магверситет народной медицины! — рассуждал он.

Затем потёр ручки и громко, но ни к кому не обращаясь, добавил:

— Тест-то ещё туда-сюда, исхитриться можно... Тьфу, листик бумажки! А вот посмотрим, какие вы будете умные, когда личиком к личику, фэйсик, так сказать, к фэйсику... Да без билетов! То есть билет-то будет, конечно, но после пары фразочек отвечающего прерывают и начинается произвольная дружелюбная беседа по материалам всего курса! Это знаешь? Умничка. А это? А это? О, сбиваемся? Попрошу осветить эту тему подробнее! Носик к носику, рожица к рожице, глазки в глазки!

Это «глазки в глазки» он произнёс с таким предвкушением, так вкрадчиво, что всем стало не по себе, а Верка Попугаева упала в обморок. Правда, быстро

очнулась и даже успела подслушать парочку разговоров, не имевших к ней никакого отношения. Впрочем, такая уж была врождённая магия Попугаевой. Ни стены, ни расстояние не были для неё преградой. Разве что заклинания да особые защитные руны способны были немного ограничить её здоровую любознательность.

Из-за кошмарных экзаменов и необходимости готовиться к ним дни стали такими бесконечными, что подозрительный Шурасик даже бегал по школе с особым амулетом и проверял, не использовал ли кто из преподавов заклинание растяжения времени. Амулет ничего не зафиксировал, однако подозрения Шурасика окончательно не рассеялись.

В эти же дни Шурасик ухитрился поссориться с Ленкой Свеколт из-за формулы суммарного выражения чёрной магии, которую Свеколт, по его мнению, выводила неправильно, делая ошибку в девяносто втором по счёту неизвестном. Со всяким другим человеком поссориться по такому туманному поводу, конечно же, невозможно, однако Ленка Свеколт была из того же теста, что и Шурасик. Они расплевались, по ходу дела испепелив случившийся поблизости стул.

Именно поэтому настроение у Шурасика было скверное. У него всё валялось из рук, и он то и дело ворчал:

— Женщина — это пародия на мужчину. Крайне неудачная. Изделие из ребра, глупое как пробка!

— Шурасик, утихни! — сказала Катя Лоткова, случайно оказавшаяся рядом.

— Лоткова! Объясняю тебе предельно просто и даже с понятными девушкам примерами. Женщина не обладает достаточным объёмом мозга для принятия жизненно важных решений. Телеграфирую губами: не об-ла-да-ет. Поэтому она должна не лезть в высшую магию формул, а тихо варить бульончик из трав, помешивая его ложкой! А теперь иди и обдумай то, что я тебе сказал! — сердито ответил Шурасик.

Катя хмыкнула. На Шурасиков не обижаются. Шурасики существуют в собственном мире, который связан с остальным миром разве что крошечным окошком в кирпичной стене.

— Шурасик, кажется, ты только что связал веник и этим очень огорчил свою фирму, — сказала Катя и ушла.

— Свеколт и Шурасик поругались? Ну-ну. Я всегда был уверен, что разные люди могут уживаться, а одинаковые нет. Вот вам живое подтверждение. Правда, они всё равно помирятся, хотя бы для того, чтобы разругаться вконец, — заметил по этому поводу Баб-Ягун.

* * *

Поздно вечером Таня возвращалась из читального зала, где вместе с Баб-Ягуном готовилась к ветеринарной магии. Ванька, сидевший за соседним столом с учебником по снятию слеза, лишь посмеивался и жевал соломинку. Сегодня с утра он лично помог питекантропу отловить в лесу три десятка гарпий, которых надо было вылечить от ожирения и сварливо-

сти. В заключение же обязательной программы, что было совсем не безопасно, экзаменующимся предстояло подстричь гарпиям когти.

Поднимаясь по лестнице Большой Башни, Таня услышала снаружи какой-то шум и выглянула в ближайшую бойницу.

На мощёном дворе она увидела Склепову, или, как Таня называла её в последнее время, Склепшу. Склепова учила Горыню и Дубыню азбуке глухонемых. Усыня, самый тупой из троих, вообще ни во что не врубался. Он сидел рядом на земле, кусал ус и завидовал более сообразительным братьям. Потом встал, взял дубинку и молча врезал Дубыне по лбу. Дубыня не остался в долгу, и дело завершилось грандиозной потасовкой, в которой кроме богатырей пострадала и одна из небольших башенок Тибидохса.

Склепова, предусмотрительно отбежавшая на полсотни метров, терпеливо стояла и ждала, пока Усыня, Горыня и Дубыня утихомятятся, чтобы продолжить обучение. Согласно замыслу Гробыни, богатыри во время экзамена должны были стоять на ближайшем холме и подсказывать ей, используя азбуку глухонемых. Великанам же в свою очередь должен был суфлировать одолженный у Грызианы Припятской на недельку гном-переводчик. Этого гнома Гробыня переименовала вначале в Полиглота, затем в Полиноса, потом и это ей не понравилось, и она называла его не иначе как Полироль Политурович.

Великаний телеграф как способ подсказки был, разумеется, крайне ненадёжен. Склепова надеялась

на него больше как на отвлекающий манёвр. Неуклюжие богатыри наверняка наступят на Полироль Политурьча, а затем подерутся, споря, кто это сделал. Зато, пока преподы будут их успокаивать, можно ухитриться сунуть за щёку жвачку, а предварительно на жвачке нацарапать руну красноречия.

Отойдя от бойницы, Таня продолжала подниматься. Неожиданно из сумрака ниши навстречу ей кто-то шагнул и замер у неё на пути. Таня отшатнулась.

— Татиана, а Татиана! Можно тебя на минуту? — спросил кто-то.

Таня узнала Шурасика. Ей стало досадно, что она испугалась.

— Всего на минуту? А ты успеешь? — машинально переспросила она и тотчас прикусила язычок. Блин! Это ж надо так огробыниться! С кем поведёшься, от того и блох нахватаешься.

Глаза под очками-лупами укоризненно моргнули. «Вот уж деловая колбаса, которой пришла пора колбаситься!» — подумала Таня с раздражением.

— Дай мне взглянуть на твой перстень! — потребовал Шурасик.

— Зачем? Он слушается только меня. Ты всё равно не сможешь извлечь из него магию.

— Я и не собираюсь.

Пожав плечами, Таня с некоторым усилием скрутила с пальца перстень и протянула его Шурасику.

Шурасик молча взял перстень Феофила Гроттера, повернулся к Тане спиной и куда-то решительно пошёл. Таня удивлённо побежала следом, ощущая себя

не то бобиком, которому надо бежать за хозяином, не то автомобилистом, у которого гаишник отнял права и теперь невесть зачем идёт с ними на середину перекрёстка. Без перстня она была абсолютно беззащитна. Даже «Искрисом фронтисом» не смогла бы запустить, если бы потребовалось.

Как оказалось, Шурасик направлялся к бойнице. Подойдя к ней, он зачем-то посмотрел сквозь перстень на луну.

— Ага... Лунный диск меняет цвет... Так я и думал... Вопросов больше не имею, — пробурчал он и вернул перстень Тане.

— В чём дело? При чём тут луна? — с беспокойством спросила Таня.

Шурасик ничего не ответил. Он таинственно порылся в кармане, что-то извлёк из него и показал Тане. Блеснуло серебро.

— Знаешь, что это такое?

— Чайная ложка? — спросила Таня с некоторым сомнением. Слишком уж очевиден был ответ.

Шурасик посмотрел на Таню взглядом практикующего психиатра, которому пациент сообщил, что по носу у него маршируют зелёные слоники.

— Формально говоря, да. Это действительно чайная ложка. Не удивлюсь, если кто-то когда-то даже пытался размешивать ею сахар. Не к ночи его помянуть, а ко дню!

— И что же это такое?

— Да так, артефактик один простенький из коллекции профессора Клоппа... Отлит чёрным магом

Гумбольтом Фортунатом в шестнадцатом веке. Возьми её в рот и поддержи секунд пять.

— Я не отравлюсь?

— Нет. Эта ложка нейтрализует яды, если они есть. Зато если ядов по какой-то причине нет, то травит сама. Кроме того, она снимает необратимый сглаз. Опять же, если сглазов нет, ложка сглаживает сама. Такая вот прививка от мнительности.

— Я тебе что, совсем надоела? Хочешь, чтобы она меня сглазила? — возмутилась Таня.

— Ты и так сглажена, Татяна! Причём капитально! — сказал Шурасик хладнокровно. — В общем, хочешь верить — верь. Нет — спокойной ночи! Раз в жизни решил сделать доброе дело — и что, на коленях теперь тебя упрашивать?

Таня пристально посмотрела на Шурасика и, поняв, что он не шутит, вздохнула:

— Ладно, давай сюда свою ложку.

Едва она сунула её в рот, ложка сильно разогрелась и обожгла ей язык. Тане показалось, что во рту у неё бурлит раскалённая лава. Она рванулась, пытаясь выплюнуть или вытащить ложку, но Шурасик притиснул её к стене и схватил ложку за черенок.

Таня попыталась его оттолкнуть, но Шурасик был сильнее.

— А-а-а! — завопила она, пытаясь его пнуть.

— Терпи, терпи! Ещё немного! По-другому всё равно нельзя! — крикнул Шурасик. — Три... четыре... пять! Всё, можешь доставать!

Шурасик отпустил Таню и предусмотрительно отступил на шаг. Таня выхватила изо рта ложку и хотела швырнуть её, но внезапно заметила, что блестящая ложка потемнела и на ней отпечаталось нечто вроде саламандры. Чёрное выжженное пятно копоти.

— Магия довольно серьёзная. С тобой не церемонятся! Дня через три ты стала бы страшной, как обезьяна! Причём необратимо. Хотя, на мой взгляд, обезьяны вполне симпатичны, — сказал Шурасик.

— Откуда ты знаешь? Как ты вообще узнал, что меня кто-то сглазил? — спросила Таня.

Шурасик издал звук: нечто между «хы» и «хэу», но уж точно не «хю».

— Я это понял в библиотеке. Между тобой и мной пролетел джинн Абдулла. А он же прозрачный, верно? В общем, когда смотришь на человека через джинна, многое становится ясно. Разумеется, если знаешь, как именно смотреть. Я заметил в твоей ауре глубокую трещину. Кто-то пробил твою естественную защиту, чтобы воздействовать на тебя. Это меня и насторожило, — объяснил он авторитетно.

— А кто это сделал, знаешь? — спросила Таня.

— Не-а, — сказал Шурасик. — Ведь магия — штука довольно зыбкая. Точнее всего диагноз о характере глаза можно поставить только после вскрытия и гадания на внутренностях. Разумеется, опыт вскрытий у меня совсем небольшой, можно сказать, его совсем нет, но если хочешь, я позову Ленку Свеколт или Аббатикову. Ты как, всё ещё желаешь узнать?

Таня поёжилась. Ей стало не по себе. Она ещё раз посмотрела на артефакт с отпечатавшейся саламандрой.

— Я пас. Узнаю как-нибудь в другой раз, — сказала она.

— Ну как хочешь. Моё дело предложить! — улыбнулся Шурасик и убрал ложечку.

— Спасибо за помощь!.. Я... ну, в общем, правда, большое тебе спасибо! — искренне поблагодарила Таня.

— Не за что! Спокойной ночи, Татiana! И того... будь осторожна. Убить тебя, конечно, не пытались, но всё равно — не нравится мне этот сглаз... Ох как не нравится!.. Его не чайник наложил, можешь мне поверить! В твою ауру точно шильце всадили — аккуратненько так!.. — с сочувствием сказал Шурасик. Он сделал шаг в сторону, запахнулся в плащ и неторопливо растаял в воздухе.

«Славный он... Только ужасно нелепый! Если бы ещё не держался всё время с такой важностью! — подумала Таня. — И хотела бы я всё-таки знать, кто меня сглазил! Я бы ему сделала замечание двойным «Фронтисом»!»

— *Ignoscito saepe alteri, nunquam tibi!*¹ — укоризненно произнёс перстень Феофила Гроттера, имевший привычку подзеркаливать её мысли.

— Ничего себе советик! Можно подумать, не про тебя говорили, что ты сглазил двенадцать орловских ведьм на шабаше, — напомнила ему Таня.

---

¹ Другим прощай часто — себе никогда (*лат.*). Публий Сир, «Сентенции».

— Сплетни, матушка, сплетни! Что было, то бы-
льём поросло, — проворчал перстень уже по-русски.

Однако проворчал неуверенно, без внутренней
убеждённости и задора, которые одни и являются
спутниками настоящей правды.

* * *

Добравшись до Жилого Этажа, Таня направилась
в свою комнату. Она так устала, что ей хотелось одно-
го: завалиться в кровать и отключиться, не думая ни
об экзаменах, ни о странном сглазе. Язык, обожжён-
ный магической ложкой мага Гумбольта Фортуната,
ныл. Таня ощущала металлический привкус. Крови?
Ожога? Ложки? Этого она не понимала и только по-
стоянно вызывала слюну, чтобы уменьшить боль.

Таня пересекала гостиную, когда неожиданно ощу-
тила, что на неё смотрят. Когда ты проходишь через
помещение, где полно народу, в принципе нет ничего
удивительного, что кто-то на тебя взглянул. Это есте-
ственно, как зимний насморк или сон в летнюю ночь.
Но этот взгляд был особенным. Острым, испытующим
и, пожалуй, проверяющим. Это был взгляд недоброже-
лательного человека, которому что-то нужно
и который знает куда больше, чем ему стоит знать.
Таня ощутила его не на бытовом даже, а на магиче-
ском уровне. Ещё час назад, до истории со сглазом,
Таня не обратила на это особого внимания — в конце
концов, не факт, что все обязаны быть от тебя без
ума, — но сейчас сама ситуация вынуждала её стать
внимательнее.

Таня резко обернулась к длинному дивану, стоявшему напротив входа. Она ощутила, что взгляд был устремлён на неё именно оттуда.

На диване сидели шестеро.

— А, Гроттерша! — сладко запела Лиза Зализина. — Сладкая наша Танечка! Ути-пусеньки! Всю кровь из Ванечки выпила, вампирочка наша ненасытная? Вкусная кровушка?

«Она? Нет, вряд ли! Зализина, стоит ей меня увидеть, сразу визжать начинает. А если она только сейчас завизжала... Значит, раньше не заметила!» — подумала Таня.

Пристроившийся поодаль Глеб Бейбарсов что-то рисовал на куске плотного картона, со свойственной ему таинственностью повернув картон так, что никто не мог заглянуть. Заметив Таню, он как бы невзначай прижал картон к груди и стал задумчиво грызть карандаш. Его бархатные глаза скользили по Таниному лицу, точно стараясь запомнить каждую черту.

— Так вот... Я продолжаю... — громко, чтобы слышали все, обратился к Бейбарсову сидевший рядом Жора Жикин. — Есть у меня знакомая девчонка-лопухид. Красавица, модель. Во всех газетах реклама крема с её фото! Ноги, кожа — всё чудо. Разумеется, влюблена в меня по уши. И вот сегодня она вновь посмотрела на меня из мусорного пакета укоряющим взором. Грустно, когда в твою фотографию заворачивают селёдку. Вот она, обратная сторона известности!

— Зачем же ты в её фото селёдку заворачиваешь, а, Жорик? — спросил Бейбарсов.

Он отвечал Жикину лениво, неохотно, и, чувствуя это, Жора заводился, размахивал руками, повышал голос и выглядел особенно глупо. Голос у него начинал звучать пискляво, чего Жикин не замечал.

— Да у меня таких как грязи! Стану я газетки хранить! Ко мне купидоны летают косяками! Знаешь, сколько раз я целовался? Три тысячи девятьсот тридцать! А телефонов мне знаешь сколько надавали? Четыреста восемь штук, недавно вот считал, — заявил он.

Бейбарсов посмотрел на Жикина взглядом натуралиста, который встретил в лесу интересное редкое насекомое.

— Сочувствую тебе, бедолаге, — небрежно сказал Бейбарсов. — Чай, ступить в комнате некуда — везде одни ворованные мобилки валяются.

Жикин машинально закивал было, но внезапно сообразил, что над ним издеваются, и замолк. Таня почувствовала, что Глеб умнее Жикина раз в двести. Уж этот-то не будет хвастать своими успехами. Из него тайну клещами не вытянешь. Да что там тайну! Он даже картин своих никому не показывает.

«Этих двоих тоже отбрасываем... Нет, это был взгляд не Бейбарсова, и не Жикина уж точно... Тогда чей?» — думала Таня.

Кузя Тузиков безнадежно писал на рулоне туалетной бумаги бесконечную шпаргалку по нежитеведению. Метров десять было уже исписано. Примерно столько же ещё оставалось. Туалетная бумага всё время рвалась, и Тузиков удручённо вздыхал.

Ленка Свеколт идилически — даже слишком идилически — заплетала свои разноцветные косы. Казалось, ничего больше во Вселенной для неё попросту не существует. По её лицу разливалось медленное, засыпающее вечернее блаженство.

Сидевшая с ней рядом Жанна Аббатикова усталилась в толстую книгу по некромагии. Книга была явно запрещённой, но юные некромаги читали всё подряд, мало обращая внимания на существовавшие в высшей школе табу. На обложке был изображён человек с содранной кожей — столь малосимпатичный, что даже бывалого патологоанатома стошнило бы, заметь он у себя на столе такой экземплярчик. Однако в данном случае жуткий человек был даже не на столе. Он сидел закинув ногу на ногу и покуривал трубку, выпуская клубы пахучего дыма.

Так и не поняв, кому принадлежал тот странный взгляд, Таня проследовала дальше, в комнату. Внезапно острые зубы прозрения вгрызлись ей в сердце. Жуткий человек на обложке сидел головой вниз, и буквы латинского заглавия были перевернуты. А это могло означать лишь одно: Аббатикова и не думала читать и схватила книгу лишь для того, чтобы отгородиться от неё, от Тани.

«Зачем?» — подумала Таня, толкая дверь.

* * *

Пипа, сидя на кровати и высунув от усердия язык, была занята крайне интеллектуальным делом — пыталась передать эсэмэску через зудильник, к которо-

му проволокой был прикручен сотовый телефон, не принимавший, разумеется, здесь, в Тибидохсе. Эсэмэска пока не передавалась, но Дурнева-младшая не унывала. Она утверждала, что с ней подобным образом уже связывались два каких-то гормонально контуженных ведьмака с Лысой Горы и передавали на телефон какую-то муть.

— Только, кажется, они делали это не через проволоку, а гробовым гвоздём! — добавляла Пипа с сомнением и тотчас, утешая себя, вспоминала, что Генка Бульонов вон тоже посылает из Тибидохса эсэмэски, правда, вместо гробового гвоздя использует щепку от Ноева ковчега, которую выпросил у малютки Клоппика.

«А если это Пипенция или Гробыня пытались меня сглазить?» — подумала Таня. — Хотя нет, не верю. Гробыне это вроде как и не нужно, а Пипенция... не-а, у этой магия такого рода, что это был бы не штопорный сглаз, а штопорный сглаз, выполненный танковой колонной в условиях крупномасштабных боевых действий».

Почти сразу вслед за Таней в комнату ввалилась Склепова, порядком раздражённая бестолковостью Усыни, Горыни и Дубыни. Гном Полироль Политурович, свесив ноги, сидел у неё на плече и, осоловев от духоты, зевал. Похоже было, что гному надоело всё на свете и более всего ему надоел он сам.

Гробыня за шкурку бесцеремонно стащила Полироля Политуровича с плеча и, небрежно швырнув в ящик письменного стола, захлопнула его внутри.

— Спокойной ночи, любимый! — проворковала она нежно.

Почти сразу из ящика донёлся храп. Философски настроенный, гном не терял времени даром.

Не снимая обуви, Склепова картинно рухнула на кровать и принялась жалобно стенать, называя себя старым больным человеком, у которого нет сил:

— Я несчастная, всеми покинутая женщина, которую никто не любит! У меня нету ни мужа, ни денег, ни кошечки, ни собачки! Я живу в одной комнате с двумя ослицами, которые мне надоели ещё в младенчестве! Пристрелите меня, чтобы я не мучилась! — молила она.

Пипа, которой стенания Гробыни мешали отсылать эсэмэски, потянулась к старинному мушкету, который не так давно подарил ей её робкий поклонник Генка Бульонов.

— Ну раз ты так просишь! — сказала она решительно.

Гробыня, желание которой оказалось столь близким к исполнению, сразу дала задний ход и заявила, что она, пожалуй, ещё чуток помучается. Демонстрируя своё желание не жить, а мучиться, она взяла журнальчик «Сплетни и бредни» и принялась отгадывать кроссворд.

— Расставание с друзьями или любимым... — озадачилась она через некоторое время.

— Разлука.

— Сколько букв в слове «разлука»?

— С утра было семь.

— Третья «з»? —

— Угум.

— Опаньки! Готово. Кроссворд разгадан.

Склепова сделала движение рукой. Журнальчик «Сплетни и бредни» вспыхнул и обратился в пепел.

— Вот именно — разлука. Именно это ждёт нас всех через месяц-другой. Конечно, кое-кто останется в магспирантуре, но остальные — фьють! — назидательно сказала Гробыня.

Она слезла с кровати и, встав напротив Пажа, принялась грустно смотреть в пустые глазницы Дырь Тонианно.

— А ты остаёшься? — спросила Пипа.

Склепова замотала головой:

— Не-а. Кому я тут нужна, в этой дыре? Здесь умных и красивых не ценят. Грызианка предлагает мне стать соведущей в телешоу «Встречи со знаменитыми покойниками».

— Ух ты! А кто будет другим соведущим? Грызианка?

— Нет. Веня Вий. Он недавно опять поубивал всю свою команду, и теперь программа испытывает творческий кризис.

— И ты не боишься Вия?

— Я боюсь какого-то там Вия?! — возмутилась Гробыня. — Да он у меня по струнке будет ходить. Я его научу, как нужно обращаться с молодыми талантливými кадрами! И пусть только попробует веки когда не надо поднять! Поднимешь веки — протянешь ноги!

И, хотя Гробыня, по своему обыкновению, всё преувеличивала, Тане показалось, что так оно и будет. Во всяком случае, в общих чертах.

— Ну, с тобой, Танька, всё ясно! — продолжала Склепова. — Ты сдашь экзамены и отправишься в Магфорд играть в драконбол и лишать покоя бедного Пупочку. Если его добрая тётя не подбросит тебе в чай отравленный копирайт, ты после вернёшься в Тибидохс и будешь учиться в магспирантуре. А ты, Пипенция? Что там у тебя на фронте личных планов?

— Здравствуйте, я ваша тётя! Да мне ещё в Тибидохсе пару лет учиться, так что я никуда отсюда не денусь... — заявила дочка бывшего депутата.

Она взглянула на экран телефона и заорала:

— Получилось! Я знала, что получится! Эсэмэска от Бульона! Смотри, Склеп!

Гробыня заглянула ей через плечо.

— *Жду тебя завтра в 19:00 в Зале Двух Стихий. Если тебя не будет до 20:00, то имей в виду, не позже 21:00 я ухожу. ГБ,* — прочитала она вслух. — Хм... ничего себе инициальчики у твоего молчела! Просто мама не горюй! Хотя Танькины Гу-Пу и Ва-Ва, конечно, не лучше. А уж Гле-Бээээ тем более.

Таня хотела уточнить, кто такой Гле-Бээээ, которого Склепова ей сватает, но решила, что умнее будет промолчать, тем более что Гробыня посматривала на неё с большим задором. Таня бы всё-таки не выдержала и поинтересовалась, но, к счастью, её выручила Пипа, пребывавшая в эйфории:

— Вылитый мой папочка! Такой же наивно-бес-толковый и одновременно хваткий! Я своего Супчика Бульоныча просто обожаю! По деньгам, конечно, не Пуппер, зато ростом на полметра выше. Вещи со шкафа можно без табуретки доставать. В метро опять же не потеряется. Очень удобно в семейной жизни.

— На кого батон крошишь, Пипенция? Не в метрах счастье! — обиженно вступилась за Гуря Таня.

— Ну, у кого метров нет, для того и не в метрах! — парировала Пипа. Она погрозила Тане пальцем и сурово сказала: — А ты сиди и не вякай! Я тебя насквозь вижу, Гроттерша!

— И чего там? — спросила Таня с беспокойством.

— Да ничего интересного. Внутренности одни... — отмахнулась Пипа и, придвинув к себе зудильник с прикрученным к нему телефоном, вплотную занялась эсэмэсками.

* * *

Таня уже собиралась лечь, когда внезапно в дверь забарабанили и одновременно с вопросом «Можно?» в комнату ворвался Баб-Ягун.

— На случай, если кто-нибудь уже разделся, я закрыл глаза! — предупредил он.

С подозрительной для человека с закрытыми глазами ловкостью Ягун нашарил стул, сел на него и закинул ногу на ногу.

— Считаю до пяти тысяч и открываю! — предупредил он. — Одна тысяча... две тысячи... три тысячи...

— Открывай сразу! Всё равно же подглядываешь! — отмахнулась Склепова и, сорвав с плеч Пажа мушкетёрский плащ, завернулась в него.

— Ладно, — сказал Ягун. — Я к Таньке... Хотя мы только что виделись и всё такое... Но мамочка моя бабуся! Танька, у меня для тебя посылка! Или не посылка... В общем, даже не знаю, как это назвать. Сама смотри.

Ягун пошарил в кармане и передал Тане плотный, упакованный в бумагу свёрток. Свёрток был маленький, не больше спичечного коробка, и форму имел такую же. Мелкие буквы на свёртке сообщали:

Для Т. Гр.

Открыть лично.

Защищено проклятием

Судя по небольшой серебристой искре, пробежавшей по опоясывающей свёрток нитке, предупреждение о проклятии не было блефом.

— Кто тебе это передал? — спросила Таня, разглядывая свёрток и не торопясь его открывать.

Интуиция, обычно верно подсказывавшая ей, чего ждать — хорошего или дурного, — на этот раз осторожно помалкивала.

— Да, в общем, никто, — уклончиво отвечал Ягун.

— Подбросили?

— Нет, не подбрасывали. Получается, эта штука была у меня всё время. Уже много месяцев, — сказал Ягун виновато.

— Почему же ты мне её раньше не отдал? — возмутилась Таня.

— Потому что сам не знал. Я в душе честный! Жадный только на пылесосы, причём не на какие попало! — сообщил Ягун не без гордости. — Нужны подробности? Минутку терпения, вагон понимания — сейчас будут!

Он выглянул в коридор и торжественно внёс узкий лакированный ящик с серебристой монограммой на крышке.

— Узнаёшь красавца? Разве не ты мне его на день рождения подарила? — поинтересовался он у Гробыни.

Склепова без всякой радости посмотрела на ящик, промычала что-то и отвернулась. Таня поняла, что Гробыня смутилась.

— Так вот, уточню: посылочка была внутри! — продолжал Ягун. — Теперь я отключаю звук и сдаю своё красноречие на профилактику. Все прочие вопросы к моему адвокату!

Он ткнул пальцем в Гробыню и с явным удовольствием стал раскачиваться на стуле, изредка озабоченно посматривая вниз и прислушиваясь к скрипу его ножек.

— Выходит, это посылка от тебя? — спросила Таня, поворачиваясь к Склеповой.

Гробыня сделала плечами волнообразное движение в духе индийских танцовщиц.

— Нет. Я представления не имею, что там! — сказала она убеждённо.

— Как такое может быть?

Склепова вздохнула:

— Ладно, кое в чём признаюсь. Тем более что дело давнее. Бить меня уже не будут. Я подарила Ягуну шкатулку для телепортации мелких артефактов, преимущественно пакостных. Мы с Гуней случайно откопали её в одной лавочке на Лысой Горе. Маленькие были, глупые, хотелось сделать что-нибудь доброе, вечное, чтобы жизнь мёдом не казалась... — Гробыня устремила в потолок затуманенный взор.

— Так это ты мне хотела сделать что-нибудь доброе, вечное? — хмыкнул Ягун, забывший, что собрался быть немым.

Гробыня уныло кивнула.

— И при чём тут тогда этот свёрток для Таньки?

— Да откуда я знаю!.. Говорят же тебе: это магический ящик для телепортации мелких артефактов. Откуда он их берёт — представления не имею. Вероятно, из какого-нибудь другого места, где они исчезают. Плюс, если ящик долго не открывать, магия внутри усилится, и тогда произойдёт что-нибудь совсем уж грандиозное... Поэтому мы с Гуней и велели тебе не открывать шкатулку год. Ясно? А ты сколько её не открывал?

Ягун зашевелил губами, считая:

— Ну, года уже два-три. Не меньше! Я про эту шкатулку забыл совсем. Сунул её под кровать, и всё. А сегодня решил, понимаешь, к пылесосу вместо обычной трубы выхлопную приделать, авось получится что-нибудь. Стал под кроватью рыться, а тут —

опаньки! — ящик. Весь голубоватым сиянием окутан, дрожит от нетерпения. Я его открыл — и вижу свёрток для Таньки.

— А кроме этого свёртка там что-нибудь ещё было? — с неожиданным интересом спросила Склепова.

— Только он. Я проверял.

— Ясно, — сказала Гробыня. — Другого я и не ожидала.

— Почему это?

— В этот ящик влезло бы что угодно, а там был только жалкий маленький свёрток для Гроттерши! Я прямо умиляюсь! Ты прямо как главная героиня романа. Если кирпич должен свалиться на чью-то хо-рошенькую головку, ты уже заранее знаешь, чья она будет. Остальным же остаётся только нести прекрасную чушь, восторгаться и вовремя падать в обморок.

— Эй, ты, говорливая мещаночка! Хватит! Или сама будешь разворачивать! — рассердилась Таня.

Она с тревогой наблюдала, как серебристая искра на нитке забегала совсем быстро. Бумага осветилась розовато и тревожно. Стоявший на столе стакан внезапно треснул. По сумрачным стенам заметались всполохи. Магический контрабас негодующе отозвался из футляра. Заговорённый свёрток требовал, чтобы его незамедлительно открыли. Если этого не сделать, последствия могут стать непредсказуемыми.

Ощупав свёрток, Таня ощутила внутри что-то мягкое. Глубоко вздохнула и потянулась к нитке. Ягун и Гробыня обменялись понимающими взглядами.

Склепова отодвинулась поближе к дверям, а Ягун остался сидеть на стуле. Внешне он был расслаблен и даже ногу с ноги не убрал, но Таня заметила, что руку с перстнем он подвинул поближе к колену. Мало ли что...

«Ну, пора! Если я это не выпущу, оно вырвется само», — подумала Таня.

Пипа скатилась с кровати и закрыла голову подушкой. Секунду спустя дочка Германа Никитича услышала, как лопнула нитка.

— Да тут какие-то волосы! — услышала Пипа удивлённый голос Тани.

Глава 2

ЛУБОФФ НЕ МАГИЯ. ОНА ХУЖЕ

— Как ты помнишь, друг мой, наш договор рас-
торгался в двух случаях: если ты поумнеешь
или попросишь меня о том, чего я не смогу выпол-
нить... — зловецце сказала щука с зелёными разво-
дами на чешуе.

— Так что, я поумнел? — басом удивился Гломов.

Щучка-внучка окинула его оценивающим взгля-
дом.

— Поумнел? Врать не буду: чего нет, того нет, —
сказала она.

— Тогда чего?

Щука хихикнула:

— Только что ты попросил меня о невозможном.
Теперь тебе придётся выплатить мне небольшую не-
устойку.

Гуня энергично поскрёб рукой щетину. Раздавший-
ся звук напомнил скрежет новой наждачной бумаги.

— А чего я такого пожелал-то? Не врубаюсь, —
произнёс Гломов с недоумением. Ему казалось, что он
был осторожен.

— Напоминаю. Пять минут назад ты сказал: «Хочу, чтобы у меня была бутылка пива, я сидел в кресле, а Гробыня массировала мне плечи».

— Что мне, пива нельзя, что ли? — возмутился Гломов. С его точки зрения, желание было вполне безобидным.

— Отчего ж нельзя? Тебе уже всё можно. Совершеннолетний уже. Долгохонько же ты в Тибидохсе подзадержался, — вкрадчиво сказала щука.

— Тогда чего? Ты не можешь устроить, чтобы Гробыня сделала мне массаж? Или тебе колдовать влом? — с обидой спросил Гломов.

Щука шевельнула хвостом:

— Со Склеповой, конечно, сложнее. Нрав у неё тот ещё. В хорошем настроении она и сама тебе плечики помассирует, а в плохом пожалуй что и шею свернёт. Однако дюжина хорошо подготовленных купидончиков с бронебойными стрелами решили бы и эту проблему... Нет, Гунечка, тебя сгубила банальная жадность.

— Ты не темни, конкретно говори.

— Вспомни, что ты добавил к своему желанию. Ты добавил, что хочешь, чтобы пива в бутылке было больше, чем воды в Мировом океане, и чтобы оно было ядрёней, чем лава в Тартаре. Этого я выполнить не могу, несмотря на всю силу своей магии. В крайнем случае — тютелька в тютельку. Но уж точно не больше и не ядрёней... Так что расплачивайся, Гломов! Твой час пробил!

Щучка-внучка нетерпеливо подпрыгнула в ведре, обдав Гуню гниловатой водой.

— У всякого человека и даже у каждой щуки есть свой пунктик, — продолжала она. — Эдакое, знаешь ли, желаньице. Иногда нелепое, даже вздорное. Такой пунктик есть и у меня, ничего не попишешь. Борюсь с собой, борюсь, плавники вон все себе изгрызла, хвост искусала... Но, думаю, лучше сказать своему желанию «да» и раз и навсегда избавиться от комплексов!

— Что за желание-то? — опасливо поинтересовался Гломов.

Щука приоткрыла рот. Зубы у неё были мелкие, как лобзик.

— Э-э... ну если ты хочешь знать... Видишь ли: мне давно хотелось съесть человеческое сердце. Не какое-нибудь вообще, а сердце очень глупого и очень здорового человека... Твоё сердце, Гуня!

— Э-э, ты чего?! Это, типа, шутка? Я же так умру! — растерялся Гломов.

— Не говори таких ужасных слов, умоляю! — сказала щучка-внучка. — Я слышать ничего не желаю. Твоя смерть мне не нужна. Только сердце. Остальное можешь оставить себе.

Гуня сглотнул слюну:

— Но я же не смогу жить без сердца!

— Ну, родной, это уже частности. Никогда не следует заикливаться на деталях, — небрежно сказала щука.

— Ты говорила про здоровое сердце. А разве я здоровый? Когда я приезжаю на каникулы, моя маманя всегда вздыхает, что я тощий и бледный. И что

мой дедушка зашиб бы меня одним пальцем, — цепляясь за соломинку, заявил Гломов.

— Твой дедушка был цирковым силачом? — удивилась щучка.

— А оно ему надо было — грыжу рвать? Он всю жизнь проработал в магазине «Рыболов-спортсмен». Продавал спиннинги и телескопические удочки. В девяносто два года поехал на охоту, выпил и заснул на морозе.

— Жаль, я не была с ним знакома. Его бы сердце мне подошло, особенно учитывая моё отношение к рыболовам-спортсменам. Однако дела это не меняет. Приступим! Зажмурься и считай до трёх... Будет не больно, обещаю. Никакой патологоанатомии — сплошная магия...

Щучка высунулась из ведра и уставилась на Гломова. Гуня пугливо попятился.

— Может, я возьму назад своё желание? — спросил он с надеждой.

— Поздно, дружок! Считай! Ну!.. — рявкнула щука.

Из её плоских рыбьих глаз ударили красные лучи. Соприкоснувшись, они сгустились и скользнули вниз, прочертив на каменном полу узкую раскалённую борозду.

Гуня понял, что его не пожалеют. В конце концов, его дедушка, разделявая рыбу, не задумывался, насколько это приятно самой рыбе. Рыба есть рыба. Вот и щука, похоже, рассуждала в том же духе: человек есть человек.

— Считай! — приказала щука.

Раскалённый луч пополз по камням к ногам Гломава. Гуня резво отскочил:

— Хорошо, хорошо! Успокойся! Я понял. Начинаю считать!

— Давай! — мрачно сказала щука.

— Один... два... *Аморфус телепорцио!* — внезапно крикнул Гломов и вскинул руку.

Алая искра помчалась к щуке. Щуку окутало светлое облако, и она исчезла, успев лишь грозно щёлкнуть зубами. Вместе с ней исчезло и ведро. Остался только влажный круг на полу.

Гуня вытер вспотевший лоб. Перстень на его руке был горячим и обжигал кожу.

— Надеюсь, я зафутболил эту кильку в томате достаточно далеко и она не вернётся... Спасибо Склеповой, что хоть чему-то меня научила, — сказал он.

* * *

Герман Дурнев, бывший депутат, председатель В.А.М.П.И.Р, наследник графа Дракулы и просто разносторонний человек, переживал нелёгкие времена. На втором десятке лет совместной жизни от него ушла супруга Нинель. Не то чтобы окончательно и бесповоротно, но всё же ушла. Собрав два чемодана самых необходимых вещей, она произнесла трескучую речь, в которой подвергла резкой критике нравственные достоинства супруга, пожелала ему счастья с секретаршей, на скорую руку всплакнула, ухитрившись не повредить макияж, и шумно хлоп-

нула дверью, едва не расплющив подслушивающего Халявия.

Герман Никитич подозревал, что этот цирк был продуман заранее и супруга на самом деле взяла путёвку и укатила в дом отдыха, но всё равно переживал, тем более что никакой связи с ней не существовало. Свой сотовый она демонстративно метнула ему под ноги.

Три дня он прожил один, с досады моря голодом таксу и ворча на Халявия, недавно нагло укравшего золотую сковороду и прокутившего её с манекенщицами. После загула Халявий ходил бледный, с мешками под глазами, держался за стены и жадно пил воду из-под крана. Пару раз он пытался превратиться в волка, но так и не сумел перекувырнуться через нож.

Холостякующий председатель убедил себя, что не ждёт звонка жены, и верил в это искренне. Когда же телефон вдруг зазвонил, он неожиданно для себя кинулся из коридора и прищемил дверью палец. Звонили из автомастерской.

— Дурнев Гэ? Вы сдавали нам свой «Мерседес» с жалобой на заедание стеклоподъёмника? — поинтересовался бодрый канцелярский голос.

— Ну, — невнятно сказал Дурнев, держа прищемлённый палец во рту.

— Стеклоподъёмник мы, к сожалению, сделать не сможем. У нас нет запчастей. Зато мы провели бесплатную диагностику вашего авто и обнаружили, что вам неправильно установили колонки. Их слыш-

ком много, и, когда включаешь звук на полную громкость, автомобиль подскакивает и теряет сцепление с дорогой. Кроме того, желательно заменить автоматическую коробку передач. Мы можем заняться этим прямо сейчас. Все двадцать наших механиков случайно оказались свободными.

— У меня на коробку жалоб не было, — удивился Дурнев.

— И не будет! — жизнерадостно заявил голос.

— Хорошо, мальчики! — сказал Герман Никитич послушно. — Меняйте что хотите! Машина на гарантии.

Бодрый голос на мгновение сделал траурную запинку, но тотчас выправился и стал ещё убедительнее:

— Мы сожалеем, но ваша гарантия недействительна. Вы ни разу не приехали на ТО. Кроме того, вы расписались в неподобающем месте и пробили бумаги дыроколом, чего делать не следует. Подтверждаете заказ и оплату?

— Подтверждаю, — смиренно согласился Дурнев. — Как, кстати, вас зовут?

— Сергей... Сергей Васильевич.

— Большое спасибо, Сергей Васильевич! Начинайте творить.

Дурнев повесил трубку, посмотрел на телефон и нехорошо ухмыльнулся. Его глазные зубы выдвинулись и тотчас спрятались.

— Думают, обдурили меня... Ах, мальчики, мальчики! За «Мерседесом» я пришлю Бума и Малюту! Ни один работник автомастерской до старости не

сможет смотреть фильмы ужасов. Кроме того, одну гайку им придётся закручивать втроём, потому что у всех будут дрожать руки, — сказал он с предвкушением.

В комнату, виляя бёдрами, вошёл Халявий и томно остановился возле кресла родственника:

— Дурнев, а Дурнев! Ты никогда не задумывался о том, что фамилия у тебя говорящая?

— В смысле? — нахмурился председатель.

— Германчик! Я же сто раз тебе говорил: после принятия ванны не забывай вытаскивать пробку!

— С какой стати?

— А с такой, что у нас в джакузи плавает тухлая рыба!

— Ну и что?

— А то, что она не только плавает. Она ещё и хамит! — наябедничал Халявий.

— Кому хамит? — удивился Герман Никитич.

— Мне, маленькому Халявочке, который один у тебя остался, не считая этой вытянутой пародии на собаку! — плаксиво пожаловался оборотень.

Дурнев пожал плечами и направился в ванную. В чёрном джакузи, изредка от скуки всплывая желтоватым брюхом кверху, плавала и меланхолично шевелила плавниками большая зубастая щука.

Заметив, что в ванной кто-то появился, щука высунула голову из воды и уставилась на Дурнева:

— Нашего полку прибыло! Что мы имеем?.. О, Герман Дурнев! Пол внешне не женский. Год рождения такой-то. Рост метр восемьдесят восемь санти-

метров. Собственной магической силы не имеет, использует артефакты вампира... Слушаю вас, Герман Никитич! Что скажете, молодой и красивый?

— Кто ты такая? — хмуро спросил Дурнев.

После того как его дочь оказалась в Тибидохсе, а сам он стал председателем В.А.М.П.И.Р, Герман Никитич уже не удивлялся таким банальным мелочам, как ораторствующие зверушки, птички и рыбки.

— О, зовите меня просто щучка! Щучка-внучка!

— Приятно познакомиться! — влез в разговор Халявий.

Делая вид, что хочет поздороваться, оборотень как бы невзначай потянулся к пробке, чтобы спустить воду, но щука щёлкнула зубами, заставив его поспешно отдёрнуть ладонь.

— Без фокусов! — сказала щучка с угрозой.

Из её глаз брызнуло красное сияние, отбросившее незадачливого Халявия на стену ванной. Халявий пискнул и сполз на пол.

Дурнев предусмотрительно попятился.

— Несколько правил! Зарубите их на хрящевых выступах, которые вы, жалкие млекопитающие, называете носами! — сурово произнесла щука. — Правило первое: воду не спускать! Правило второе: без спросу ко мне в ванную не заходить! Когда купаюсь, я делаюсь нервная, а купаюсь я целый день! К тому же я не одета. А теперь брысь! Я буду отдыхать и вынашивать планы мести!

Халявий с Дурневым переглянулись и разом кинулись из ванной, захлопнув за собой дверь.

— Эй, вы, там! Я чувствую, где-то здесь поблизости есть собака! Принесите её сюда! Я проголодалась! — донеслось из-за двери.

Такса Полтора Километра заскулила из-под дивана, точно понимала, что речь идёт о ней. Дурнев глубоко вздохнул и направился в комнату.

— Германчик, что ты собираешься делать? — трусливо спросил Халявий.

— А что тут сделаешь? Избавиться от таксы соблазн, конечно, большой — но что скажет Нинель? Надо сражаться! — пожал плечами Дурнев.

Он извлёк из шкафа шпагу и задумчиво потрогал пальцем лезвие.

— И на всякий случай, просто промежду прочим! Имейте в виду: вампирское холодное оружие на рыб не действует! — поспешно крикнула из ванной щука.

Глава 3

ПАРИК ДЛЯ ЗЛАТОВЛАСКИ

Таня недоумённо смотрела на прядь светлых волос, туго перевязанную тонкой лентой, некогда красной, но теперь выцветшей. Вот и всё. Больше в свёртке не было ничего: ни записки, ни объяснений.

— Ого, последний привет из парикмахерской! Ну и чьи это космы? — поинтересовалась Склепова.

— Не знаю.

— И что тебе надо делать с этими магическими патлами? Пустить их на паричок? Или это тонкий намёк, что рыжей Таньке пора краситься? Сколько можно — с первого курса ни разу ничего с собой не учудить! Для меня и неделя с одним цветом волос нереально! Меня бы народ не понял и человечество осудило! — рассуждала Гробыня.

— Склепова, утихомирься! Разве не ты подарила мне этот ящик? — заметил Ягун.

— Когда я дарила шкатулку, она была пустой, как твоя голова. Через год — я была уверена, что там появится какая-нибудь гадость. А вот что там обнаружится через два-три года, я и понятия не имела. Мо-

жет, вовсе и не гадость, а нечто совершенно иное, — оправдывалась Гробыня.

Она ещё некоторое время заинтересованно разглядывала прядь в руках у Тани, а затем, быстро выпалив: «Вшей хотя бы нет? И на том мерси. Дай взглянуть!» — попыталась выхватить у неё волосы.

Однако, как оказалось, это была не самая мудрая затея. Внезапно Гробыня завопила и отдернула пальцы. Таня с удивлением обнаружила, что перстень Склеповой дымится. Похоже было, что его магия только что вошла в столкновение с другой магией и была побеждена.

— Если это не для меня, надо было словами сказать! Ненавижу эти хамовитые артефакты! — возмутилась Гробыня, дуя на пальцы.

Пипа посмотрела на часы и демонстративно зевнула.

— Ну всё! Уже три часа! — сказала она решительно. — Кто как хочет, а я баю-бай! Всех лишних попрошу покинуть помещение! Всех остальных попрошу заглохнуть!

Ягун покосился на Пипу, осторожно подзеркаливая. Пространство вокруг Дурневой-младшей накалялось. Это было верным признаком того, что Пипа раздражена и вот-вот может полыхнуть интуитивной магией. Магия же эта обычно бывала такой силы, что даже Поклёп Поклёпыч предпочитал не особенно доводить её на своих уроках.

— Я как раз собирался сказать всем спокойной ночи! Пока, Танька! — вскочил Ягун и отчалил.

Пипа заснула почти сразу, Гробыня минут через десять. Посмотрев на неё, Таня подумала, что во сне у Склеповой вполне мирный вид. Можно было даже допустить, что когда-то в мире лопухонидов эту брутальную молодую даму, которая теперь всерьёз собиралась ставить на место Вия, звали Анечкой и она гладила щекой пушистые варежки.

Таня некоторое время повертела странную прядь в руках, а затем, толком так и не поняв, что с ней делать и чего от неё ждать, сунула её в одно из отделений футляра от контрабаса, предназначенное для мелких предметов. Феофил Гроттер, лично сшивший когда-то футляр из драконьей кожи, был очень деятельным и предусмотрительным старичком, любившим со вкусом устраивать свой быт.

— *Felix qui potuit rerum cognoscere causas*¹, — скрипучим, но довольным голосом заявил Феофил.

Должно быть, он отслеживал все мысли, которые касались лично его.

Вскоре Таня уже спала. Сон её был прерывистым и беспокойным. Что-то неопределённое, но вязкое и неотступное тревожило её. Во сне она металась по кровати. То ей казалось, что она едет на верхней полке поезда куда-то далеко, спит и боится свалиться. То чудилось, что одеяло не одеяло вовсе, а ковёр-самолёт, который душит её своими кистями. Уже под утро, вконец заблудившись в своих кошмарах, Таня

---

¹ Счастлив, кто мог познать причины вещей (*лат.*). Вергилий, «Георгики», II.

внезапно увидела золотистую нить, похожую на нить Ариадны из магических мастерских на Лысой Горе. Нить пронизывала её сон и куда-то уводила.

Следуя за нитью, Таня во сне села на вагонную полку и тотчас поняла, что сон завершился. Она была на своей кровати, в Тибидохсе. В окно, лишённое Чёрных Штор, светила луна.

* * *

Таня провела рукой по лицу и снова хотела лечь, но внезапно увидела, что лучи луны, странным образом сплетаясь в золотистую нить, ныряют под дверь. Это было так непривычно даже для мага, который по определению не должен ничему удивляться, что Таня поспешно встала, быстро оделась и последовала за нитью. Как нередко бывает при пробуждении на рассвете, сознание у неё было очень ясное, лишённое дневных сомнений и страхов. Иначе она, разумеется, задумалась бы, стоит ли идти неизвестно куда, следуя за лунным светом.

Золотистая нить, висевшая в воздухе, вела по коридору мимо пустой в этот час общей гостиной и дальше, в тишину и ночь. Таня решила было, что нить указывает путь к Главной Лестнице, но нет. Миновав Лестницу, нить некоторое время попетляла по редко посещаемым коридорам Жилого Этажа, где, по слухам, находились замурованные двери нескольких давным-давно проклятых комнат, а затем Таня увидела, что нить решительно сворачивает к старой каменной вазе и, пройдя сквозь неё, исчезает в стене.

Покрутившись рядом, Таня хотела уже вернуться, ибо, в отличие от нити, у неё были проблемы с прохождением сквозь стены, но внезапно её посетила простая и очевидная мысль.

Она подошла к каменной вазе и попыталась сдвинуть её. Массивная ваза отнеслась к её стараниям с любознательным интересом мамонта, которого собираются стащить с места и запинать два хомяка. Таня лишь испачкала ладони липкой пылью.

— *Антиллум древнидис!* Шляпа! — недовольно уронил перстень.

Несколько секунд Таня заторможенно размышляла, что это может означать, а затем сообразила. «*Антиллум древнидис!*» было заклинанием поиска секретных ходов, которое они когда-то давно проходили, но толком она его так ни разу и не использовала. Под словом же «шляпа» Феофил имел в виду... хм... ну, будем считать, что всё же головной убор.

Таня на несколько секунд задумалась, отошла на пару шагов, подняла перстень и, начертив руну, ибо одного заклинания в данном случае было недостаточно, произнесла:

— *Антиллум древнидис!*

Ничего не изменилось. Зелёная искра скользнула по перстню, но даже не оторвалась от него и очень скоро погасла. Всмотревшись в пылавшую в воздухе руну, Таня стёрла её ладонью и попыталась ещё раз, добавив резкую горизонтальную черту, о которой прежде забыла. Теперь даже Медузия, некогда полгода терзавшая их курсом рунной каллиграфии, не на-

шла бы к чему придраться. Она бы только хмыкнула и чуть опустила подбородок — максимальное одобрение, которое можно было у неё получить.

После произнесения заклинания зелёная искра послушно скользнула к руне, повторила все её изгибы, а затем, направившись к вазе, трижды коснулась её в разных местах. Тане осталось лишь повторить всё за искрой.

Каменная ваза крупно задрожала и неохотно отодвинулась с видом сурового стража, вынужденного пропустить в Эдемский сад грешника по бесплатному билету. Сразу за вазой в стене обнаружилась лестница, такая узкая, что Тане приходилось подниматься, выставив вперёд одно плечо, чтобы не задевать стены. Ступеньки же, напротив, были высокие до невозможности. Таня подумала, что лестница, должно быть, сделана для циклопов-дистрофиков.

Золотая нить уверенно указывала направление. Бьющий от неё тусклый свет разбрызгивался по влажным каменным стенам. После ста сороковой ступени, когда Тане начало казаться, что она уже едва ли не под самой крышей Тибидохса, проход внезапно расширился. Девушка оказалась на площадке размером примерно пять на пять метров с узкой пробитой в стене бойницей, в которую пробивался свет луны. Значит, бойница выходила на ту же сторону, только теперь она находилась на полсотни метров выше, почти под самой крышей Большой Башни.

В центре площадки на небольшом возвышении, чертя тросточкой по столетней пыли под ногами, си-

дел юноша. Его кожа в лунном свете казалась голубой. Таня отпрянула. Она была убеждена, что об этом секретном ходе никто, кроме неё, не знает. Разве что пролетит глухой ночью призрак в белом одеянии или, спасаясь от Недолеченной Дамы, резвым потусторонним зайчиком проскочит Поручик Ржевский.

Юноша поднял бледное лицо. Таня узнала Глеба Бейбарсова. Вот уж кого она не ожидала тут встретить.

— Здравствуй! — сказал Бейбарсов.

— Откуда ты здесь?

Глеб пожал плечами:

— В общем, ниоткуда. Рад, что ты нашла дорогу.

— Я нашла дорогу? — недоумённо повторила Таня.

— Ты пришла, потому что я звал тебя. Это я посылал тебе сны! Я сомневался, правильно ли сделал, что закрыл секретный ход, — спокойно ответил Бейбарсов.

Он приподнял трость, и Таня увидела вокруг ручки золотистое сияние. Её окутывал клубок невесомых световых нитей.

— Ну да, — сказал Глеб, проследив направление её взгляда. — Моя бамбуковая трость притягивает лунный свет. Она полая.

— Там внутри что-то есть? — спросила Таня, вглядываясь в странные очертания клубка.

Бейбарсов ускользающе усмехнулся:

— Лучше не спрашивай. Чтобы отнестись к тому, что там внутри, правильно и без омерзения, нужно быть некромагом.

— Я не хочу ничего с тобой обсуждать. Вообще это свинство — вытаскивать человека ночью из кровати чёрной магией, — сказала Таня.

— Знаю.

— Ты что, знаешь абсолютно всё? Ты опоздал. Вакансия занята. По части всезнайства у нас Шура-сик, — отрезала Таня.

Бейбарсов отнёсся к этому выпадку с чудовищным спокойствием. Таня даже обиделась. Её упорно не воспринимали всерьёз. Относились к ней нежно и терпеливо, но как к маленькой, довольно глупой девочке.

— Ты дрожишь. Тебе холодно, — сказал Бейбарсов. Он, как видно, вообще предпочитал не спрашивать, а утверждать.

Таня машинально кивнула, прежде чем задумалась, стоит ли признаваться.

Она думала, что Бейбарсов с видом усаживающей-ся на гнездо курицы начнёт стаскивать с себя свитер, как это обычно делал Ванька Валякин, и собиралась гордо отказаться, но Бейбарсов поступил иначе.

Он поднял ладонь к потолку, и на ней внезапно вспыхнуло длинное рыжеватое пламя. От пламени с треском отрывались белые искры, похожие на искры бенгальского огня. В тесной комнате под чердаком сразу стало тепло.

— Тебе не больно? — спросила Таня с изумлением.

Творить заклинания огня могла и она. Для мага пятого года обучения в этом не было ничего особенно сложного. Но не на собственной коже, разумеется.

Коже, как правило, не хватало фантазии отнестись к огню с юмором.

— Нет, не больно, — сказал Бейбарсов. — Старуха учила нас и не такому. Дважды она заставляла нас спать в огне, таком жарком, что дверца печки накалялась докрасна. Я почти было сгорел, но меня подстраховала Аббатикова. А потом я и сам разобрался в характере этой магии... Не думаю, однако, что тебе стоит это повторять. Тебя не защищает то, что защищает меня.

— А что защищает тебя?

Бейбарсов высоко поднял руку. Огонь жадно взметнулся к высокому потолку, и Таня увидела переплетённый рисунок из запрещённых рун, переходивший на стены. От натиска чёрной магии у неё закружилась голова.

— Это необычный зал. Некогда — много лет назад — здесь собирались студенты чёрного отделения Тибидохса. В самую длинную ночь года они приходили сюда с Жилого Этажа для совершения тайного ритуала. Тогда же выбирали короля и королеву чёрного отделения, которые считались полноправными повелителями весь год. Того, кто проговорился бы об этих встречах белым, ждали отсроченное проклятие и мучительная смерть. Затем, уже при Сарданапале, традиция постепенно забылась, — пояснил Бейбарсов.

— Откуда ты знаешь про ход и ритуал? — спросила Таня. Ни она, ни Ванька, ни Ягун ни о чём таком и не подозревали, хотя проучились здесь не один год и облазили всю школу.

— Мне рассказал ваш библиотечный джинн. Абдулла, кажется, — небрежно пояснил Бейбарсов.

Таня поразилась, как скоро джинн Абдулла признал в Глебе своего и доверил ему тайну, хотя Бейбарсов вёл себя скромно, спокойно, не ходил в перстнях с черепами, не орал, что он темнее ночи, и не смазывал накладные ногти ядом гюрзы, как некогда делала это Попугаева.

Вот он — истинный опасный некромаг, который живёт, даже не задумываясь о том, какую магию творит.

— Не думаю, что даже Шурасику известно об этом секретном ходе. Чем, интересно, ты так быстро добился расположения Абдуллы? — спросила она задумчиво.

Бейбарсов пожал плечами:

— Даже не знаю... Странный старикан. Он почему-то сразу хорошо ко мне отнёсся, когда мы встретились в три часа ночи на старом Тибдохском кладбище у склепа Чумы-дель-Торт, — небрежно сказал Глеб.

У Тани закружилась голова. Ей почудилось, что грозное имя, коснувшись тёмных рун, обрушилось на неё сверху камнепадом. Если бы Бейбарсов не подхватил её, она бы упала. Невероятно, что он вообще может произносить это имя. Прежде она считала, что это в состоянии сделать только Сарданапал, она и, возможно, этот неведомый юнец Мефодий Буслаев, про которого говорят, что ему проще открыть магией врата Тартара, чем заставить сработать простенький «Пундус хrapундус».

— Старое кладбище? Склеп Чумы? Разве Чума... разве от неё что-то осталось после титанов? Сарда-напал никогда ничего нам не говорил, — сказала она охрипшим голосом.

— Малышка, — произнёс Бейбарсов сочувственно, — ты не обижайся, но у меня такое ощущение, что это не я, а ты только что прилетела сюда из глухой чащи.

Таня кивнула:

— Угу. Пипа тоже говорит, что это смешно, когда москвичи спрашивают у иногородних, как им пройти на какую-нибудь улицу. Но часто это так и происходит. Закон природы. Когда люди боятся отстать, они чаще всего обгоняют.

Бейбарсов наконец перестал водить тросточкой по полу и отставил её в сторону. Одновременно он опустил ладонь с полыхавшим на ней огнём, и Таня случайно увидела, что на пыли, где только что скользил край трости, начерчен чей-то профиль. Прежде чем она успела разглядеть что-либо ещё, Глеб поспешно поставил на него ногу. Таня даже поморщилась, таким безжалостным ей показался этот жест.

— И зачем ты вытащил меня сюда среди ночи? Ты в курсе, что я встречаюсь с Ванькой? — спросила Таня.

— Да.

— И что ты по этому поводу думаешь?

— Я не обязан ничего думать по этому поводу. Я-то с ним не встречаюсь, — хладнокровно отвечал Бейбарсов.